

Валерий ТИШКОВ

Русские как меньшинства (пример Эстонии)

Дезинтеграция СССР имела своим результатом не только новую геополитическую карту значительной части евроазиатского пространства, но и глубокие переломы в статусе бывших советских национальностей, в условиях их эволюции и характере взаимоотношений. Советский режим имперского типа прекратил свое существование прежде всего потому, что не смог выполнить основное предназначение государства — обеспечить наиболее приемлемые условия социального существования своих граждан. Начатые в середине 80-х годов либерально-демократические реформы нанесли удар по тоталитарной системе управления и политической идеологии.

Составной частью радикальных перемен стали движения за децентрализацию огромного унитарного государства, за экономическую и политическую самостоятельность составлявших Советский Союз республик и регионов. В бывших союзных республиках, которые, согласно Конституции СССР 1977 года, имели статус «национальных государств», эти движения основывались на доктрине этнического национализма. Их инициаторами выступили представители титульных национальностей, т. е. «коренных наций», определяемых в марксистско-ленинской теории как высший тип этнической общности, имеющей собственную территорию, общие хозяйственные связи, самобытную культуру (прежде всего в виде языка), самосознание и особый психический склад (национальный характер). Естественно, что и «национальное государство» в рамках этой доктрины мыслилось как «свое» для данной группы, как форма ее национального самоопределения.

Наиболее мощные и организованные этнонациональные движения сформировались в годы горбачевской перестройки в наиболее развитых союзных республиках, особенно в трех прибалтийских — Литве, Латвии и Эстонии. Для этого имелись особые обстоятельства внутреннего и внешнего характера.

Во-первых, социально-экономический статус населения этого региона был наиболее высоким по сравнению с другими регионами бывшего СССР. Прибалтийские республики и их граждане по всем основным параметрам уровня и качества жизни опережали население других республик. Как известно из мирового опыта (Эритрея в Эфиопии, Огаден в Сомали, Катанга в Конго, Баскония в Испании), именно более высокий экономический потенциал и уровень развития какой-либо из частей государства, сопровождаемые, как правило, попытками Центра перерас-

пределить или изъять создаваемые ресурсы и товары в свою пользу или для других регионов, служат одной из наиболее вероятных причин регионального или этнического (если регион населен компактной и доминирующей группой) сепаратизма¹. Не случайно, что именно прибалтийские политики и интеллектуалы первыми сформулировали и настойчиво отстаивали программу «самостоятельного хозяйственного расчета», в том числе обосновывая это необходимостью «воспроизводства этноса». Долгая агония московских министерств, управлявших целиком всей советской экономикой, а также слабая перспектива быстрого улучшения жизни и успеха экономических реформ в огромной и слабо модернизированной стране были дополнительным стимулом к сецессии.

Во-вторых, национальные движения в Прибалтике мощно подпитывались историко-политическим наследием и прежде всего насильственным присоединением этой территории к СССР в 1940 году, прервавшим существование, хотя и сравнительно краткое, трех самостоятельных государств. Это обстоятельство создавало легитимную основу для выхода из состава СССР и служило наиболее сильным средством политической мобилизации основной части населения республик. Правовым признанием движения за независимость стало Постановление II Съезда народных депутатов СССР от 24 декабря 1989 года об оценке советско-германского договора 1939 года как нарушения суверенитета и независимости Латвии, Литвы и Эстонии.

В-третьих, титульное население этих республик, несмотря на жесткие политические репрессии и мощное ассимиляционное воздействие со стороны доминирующих в СССР русского языка и культуры, а также на неблагоприятные демографические процессы, сохранило, а во многих аспектах значительно развило собственную этническую идентичность и национальные институты. Именно в советский период, особенно в 60—80-е годы, в республиках сформировались из числа титульных национальностей многочисленная партийно-бюрократическая и интеллектуальная элиты, развились системы профессионального образования, науки и культуры. Эти Круги не могли смириться с жестким контролем Центра в вопросах власти, доступа к ресурсам, идеологии. Идея суверенитета и культурная интеграция в Прибалтике имели гораздо большую, чем в других регионах, поддержку со стороны церкви.

В-четвертых, более высокая гражданская культура и некоторый опыт демократического управления в прошлом сделали прибалтов союзниками радикально-демократических сил в Центре в борьбе против коммунистического режима и унитарных государственных структур. Эти силы оказали существенную поддержку национальным движениям. Но, пожалуй, самым важным фактором успеха борьбы за национальную независимость была позитивная поддержка со стороны так называемого «русскоязычного населения» республик, значительная часть которого выступила на референдумах за государственную самостоятельность.

Наконец, окончательному оформлению сецессии, образованию и признанию новых государств Балтии в огромной мере способствовала позиция западных государств, особенно США и стран Северной Европы, фактически никогда не признававших сталинскую аннексию 1940 года. Именно с случае с Прибалтикой международное сообщество впервые после второй мировой войны вполне определенно отошло от хельсинкского принципа уважения границ и целостности существующих государств и от негативного отношения к сепаратистским движениям и сецессии.

¹ См. Hannum Н. *Autonomy, Sovereignty and Self-Determination*. Philadelphia, 1990; Montville I., ed. *Conflict and Peacemaking Multiethnic Societies*. Lexington, 1990.

Только со стороны западных демократий последовали поддержка и признание дезинтеграции Югославии и Советского Союза.

Распад СССР и образование трех самостоятельных государств Балтии в понимании национальных лидеров и большинства населения означали не просто восстановление утраченного в 1940 году политического статуса, но и реализацию права наций на самоопределение. Однако понятия «нация» и «национальное самоопределение» однозначно трактовались в их сталинско-советском варианте как этнонации и как этнонациональное самоопределение. Это радикально расходится с общепринятыми в мировом общественном и политической практике понятиями нации как согражданства, как общности и многоэтничной, и многорасовой по своему составу, объединенной прежде всего своей принадлежностью и лояльностью к определенному государственному образованию. Только В. Ландсбергис вскоре после провозглашения литовской независимости в марте 1991 года обозначил отход литовского руководства от доктрины этнонационализма, заявив, что литовская нация — это полиэтничное образование, представляющее собой совокупность всех жителей Литвы, лояльных к этому государству.

Как часто бывало в истории, национальное самоопределение пятнадцати новых постсоветских государств в реальности было самоопределением территориальных сообществ со сложным составом населения. Не стали исключением и прибалтийские государства. Однако в Латвии и Эстонии официальное декларирование этнической природы государственности было положено в основу политики независимых образований. Для этого существует ряд причин; одна из них была отмечена еще К. Поппером, когда он подверг критике принцип национальной государственности и дал объяснение, почему так трудно от него отказаться: «Популярность этого принципа объясняется только тем, что он обращается к племенным инстинктам, а также тем, что это самый дешевый и надежный способ) с помощью которого может продвигаться политик, которому нечего больше предложить»².

Конечно, в Латвии и Эстонии, тем более после обретения независимости, этнонационализм стал не просто средством политической мобилизации и обеспечения доступа к власти. Эмоциональная сила и широкая распространенность национальной идеи и в целом этнической солидарности стали лекарством от гигантской исторической травмы и от ущемления коллективного достоинства, которые испытали многие советские национальности. Национализм стал реакцией и на сохраняющиеся потенциальные внутренние и внешние угрозы со стороны иноэтничного населения новых государств, представленного не слабыми меньшинствами, а прежде всего мощными и многочисленными русскими общинами, представляющими народ, доминирующий статус которого прибалты переживали в течение длительного исторического периода.

Политическое кредо и социальные реальности новых государств поставили перед ними очень сложную дилемму: каким путем утвердить свою не декларированную, а подлинную легитимность, как состояться в виде целостных и мирно существующих сообществ, как разделить те принципы, на которых эти мультиэтничные сообщества (а не эстонская или латышская этнонации) были приняты в Организацию Объединенных Наций? Эта дилемма все еще далека от решения, и главным препятствием здесь остается глубоко вмонтированная в советскую идеологию и политическую практику доктрина этнонациональной государственности. Именно она создала наиболее конфликтогенную и опасную для молодых

² Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1. М., 1992, с. 375.

государств внутреннюю проблему, связанную со статусом и правами русскоязычной части населения.

Вопрос о русских и о взаимоотношениях двух основных общин в новых государствах, особенно в Латвии и Эстонии, оказался в центре общественно-политической жизни, стал активно обсуждаться на международном уровне и сделался реальным фактором межэтнической напряженности, которая пришла на смену главному противоречию недавнего прошлого — между большинством населения республик и тоталитарным союзным Центром. Прав был Д. Горовиц, когда отмечал, что «национальное самоопределение — это проблема, а не ее решение, ибо самоопределение сингалцев реализовалось за счет тамиллов, грузинское самоопределение может произойти за счет осетин, а самоопределение эритрейских мусульман может быть достигнуто за счет прав эритрейских христиан. Есть много доводов против ставки на национальное самоопределение и за принятие концепции взаимного компромисса»³.

В контексте этой общей ситуации и обозначенного подхода рассмотрим в разных аспектах вопрос о положении русских в новых государствах на примере Балтии, прежде всего Республики Эстония.

Политическая демография

Демографический фактор играет очень важную (часто определяющую) роль в системе межэтнических отношений в сложных по составу обществах. Особенно это касается государств с так называемыми «централизованными» этническими системами, где население состоит из двух-трех примерно равных по численности и статусу этнических групп, каждая из которых способна сформулировать и осуществить свои претензии на исключительный контроль государственных институтов, ресурсов и на доминирующее положение в области культуры. По внешним признакам к таким системам из постсоветских государств, безусловно, можно отнести Эстонию, Латвию, а также Молдавию и Казахстан, в которых соотношение между группами укладывается в пропорцию 60—40 процентов.

Обычно в такого рода многоэтнических государствах или в их отдельных регионах возникают наиболее острые этнические конфликты. Их разрешение или предотвращение достигаются через механизмы согласительной демократии, справедливого распределения и баланса властей, компромиссов и общественного диалога. Однако в постсоветском пространстве действуют по меньшей мере два фактора, которые придают подобным системам особый характер. Во-первых, доктрина этнонациональной государственности как бы априорно определяет исключительный статус титульной национальности, т. е. той, от имени которой декларируется данная государственность. Во-вторых, в роли нетитульного (некоренного) населения оказываются достаточно многочисленные общины, отделенные новыми государственными границами от основной массы своих соотечественников в лице самого крупного народа бывшего СССР — русских.

Из 25 млн русских, оставшихся за пределами России после распада СССР, в Прибалтике живут 1 млн 725 тыс. В Эстонии — 476 тыс. (30,3% населения этого государства), в Латвии — 906 тыс. (34% ее населения) и в Литве — 344 тыс. (9,4% ее населения).

Прибалтийские республики были единственным регионом в Союзе, где в последнее десятилетие перед распадом СССР увеличивался приток русского населения. Само соотношение титульного и русского населения — это больной вопрос для Латвии и Эстонии. В дореволюционный период

³ Horowitz D. Irredentas, Secessions and Self-Determination. 1992, p. 15.

(на 1897 год) население титульной национальности составляло в республиках (в их современных границах) основную массу жителей: в частности, в Эстонии — почти 80 процентов.

Наиболее значительное изменение этно-демографической структуры населения этих республик произошло в последние десятилетия. Причиной этого были не только послевоенные депортации и эмиграция эстонцев и латышей, переселение на эти территории славянского населения (главным образом из разрушенных войной районов), но и значительно более низкий естественный прирост населения. За 1979—1989 годы прирост населения в СССР среди русских составил 5,6%, украинцев — 4,2, белорусов — 6, туркмен и узбеков — 34, таджиков — 45, а среди латышей — 1,4 и эстонцев — 0,7 процента.

Однако основная причина изменения этнических пропорций населения Эстонии и Латвии в последние десятилетия заключалась в иных обстоятельствах. Политика союзного и республиканских правительств, направленная на интенсивное промышленное развитие этого региона, дававшая быстрый экономический эффект для всей страны, а также более комфортные, чем во многих других районах СССР, условия жизни стимулировали интенсивный приток в эти республики русского и в целом славянского населения.

По этой причине старожильческое русское население не составляет большинства среди всех русских, живущих в Эстонии. Но большинство русских, проживающих сейчас здесь, это уже уроженцы Эстонии. Они составляли в 1989 году 65,1% от всего русского населения. Мигрантами условно можно назвать 34,9 процента. В Латвии и Литве соотношение несколько иное: в Латвии уроженцами являются 41,6%, мигрантами — 58,4%, а в Литве, соответственно, 38,4 и 61,6 процента. Следует отметить, что в Эстонии доля местных уроженцев среди русского населения в сравнении со всеми другими новыми государствами самая высокая⁴. В некоторых районах Эстонии русские являются столь же автохтонным населением, как и эстонцы, ибо история их заселения восходит к ранним этапам восточно-славянской колонизации, начиная с XI века; по крайней мере нынешний город Тарту берет начало от древнерусского града Юрьева, основанного в 1030 году⁵.

Большинство русского населения — горожане (в Эстонии — 87%, Латвии — 73%, Литве — 77%), причем значительная часть их живет в столицах новых государств: в Таллинне — 45% всех русских горожан, в Риге — 56%, в Вильнюсе — 38 процентов. В Таллинне русские составляли 41,5% всего населения, в Риге — 47,3 процента. Специфика расселения русских в Эстонии состоит в том, что они главным образом живут либо в столице, либо в районе своего компактного проживания — в Нарве, Кохтла-Ярве, Силламяэ, Йыхве. И этническая среда их проживания в том и другом месте существенно различается. В Таллинне — среда высокой компактности в самом городе (хотя в трудовых коллективах многие работают преимущественно в своей среде), в Нарве, Кохтла-Ярве, Силламяэ и на производстве, и в быту преимущественно моноэтническая среда, и потому возможность межэтнического напряжения меньше. В столице ситуация межэтнического общения сложнее; к тому же политическое противостояние, которое ощущали русские в связи с тем, что на них переносилось недовольство эстонцев за действия тоталитарной власти, было, несомненно, сильнее.

⁴ См. Арутюнян Ю. В. (отв. ред.) Русские. Этно-социологические очерки. М. 1992 с. 51.

⁵ См. В а р е п Э. Тарту. Таллия, 1960.

Таким образом, именно неблагоприятные для титульных национальностей демографические тенденции послужили наиболее мощным фактором роста экономического национализма среди эстонцев и латышей и обостренного формулирования проблемы «мигрантов» и «апатридов». Как свидетельствует мировой опыт, этнические группы в сложных сообществах склонны рассматривать как угрозу своему существованию не столько факт этнически смешанного населения, сколько резкие изменения в сложившихся демографических пропорциях, и гораздо сильнее реагируют на эти изменения. Именно такие резкие изменения в сравнительно короткий исторический период, т. е. на памяти одного поколения, произошли в Эстонии и Латвии.

Социально-культурные контакты

Говоря о воздействии исторических факторов на формирование межэтнических отношений в наши дни, следует помнить, что все три титульных народа Прибалтийских республик в прошлом веками жили под инонациональным правлением: в Эстонии и Латвии — под остзейско-немецким, а в Литве — под польским. Практически до второй половины прошлого века эстонцы и латыши (а литовцы еще дольше) не имели возможности получить образование на своем языке. Языком официального общения, образования, печати — если не считать церковную литературу и календари для крестьян — долгое время был немецкий в Эстонии и Латвии и польский — в Литве. Право на пользование родным языком во всех сферах жизни, возможности создания национальной литературы и профессиональной культуры были завоеваны народами Прибалтики в ходе национального движения, развернувшегося во второй половине прошлого века. Как и все — и особенно малые — народы, пережившие национальное угнетение и поздно достигшие национальной независимости, народы Прибалтики весьма чувствительны к вопросу сохранения родного языка, к оценке наследия народной культуры и развития национальной литературы на современном этапе.

Следует также отметить, что в прошлом контакты ныне титульных народов со старожильческим местным русским (и белорусским) населением, которое жило в восточных пограничных районах и отчасти в городах, не имели конфликтного характера. Нет оснований говорить о существовании серьезных антирусских настроений в этих регионах в прошлом (за исключением Литвы после подавления польско-литовского восстания 1863 года, когда на литовцев, так же как на поляков, обрушились репрессии царского правительства и оно провело ряд русификаторских мероприятий).

О существовании нормального климата в области межэтнических контактов свидетельствовало то обстоятельство, что подавляющая часть мигрантов оставалась в республиках, а также то, что во всех трех республиках постоянно росло количество межэтнических браков. К 80-м годам в Эстонии было 13% этнически смешанных семей, причем 62% русских в республике считали, что национальность не имеет значения в браке⁶.

Среди историко-культурных факторов имело значение то, что миграционные потоки в Прибалтику состояли в первую очередь из сельского населения, которое здесь шло на работу в промышленность. Как правило, мигранты оказывались на хорошо оплачиваемой, но тяжелой работе. Однако социальная структура основных контактирующих групп не имела принципиальных различий. Эстония принадлежала к тем немногим рес-

⁶ См. Арутюнян Ю. В. Указ. соч., с. 137.

публикам СССР, где социальный облик русских и титульного народа — эстонцев — в целом не намного различался. Так, по доле лиц с высшим и незаконченным высшим образованием эстонцы и русские были очень близки. По данным, рассчитанным Л. Остапенко, не так сильно отличалась и доля в интеллигенции у русских и эстонцев.

Но при этом структура интеллигенции у русских и эстонцев отличалась. В составе русской интеллигенции было 50,9% производственной интеллигенции, 21,6% административной, 2% научной, 1,6% художественной. В то же время у эстонцев административная интеллигенция составляла 23,1%, производственная — 41,4%, научная — 5,9%, художественная — 4,9%. Русские преобладали на крупных предприятиях союзного значения. Среди металлургов русских было в 2 раза больше, чем эстонцев, среди горняков — в 2,6 раза, а в некоторых отраслях русские преобладают и по абсолютной численности: в машиностроении и металлургии, на железнодорожном и водном транспорте, на транспортных механизмах и т. п. Эстонцы же первенствуют в полиграфической, пищевой и в других отраслях местной промышленности.

За последние 10—15 лет существования Союза ССР в связи с ростом социального потенциала титульных национальностей в республиках стала заметно снижаться представительность русских во многих профессиях и занятиях квалифицированного труда, особенно умственного, и прежде всего в сфере управления. Уже в конце 80-х годов (по материалам Всесоюзной переписи населения 1989 года) только в Белоруссии и Узбекистане русские были представлены в органах власти республик в соответствии со своей долей в населении. В других республиках, в том числе в Эстонии, представительство русских в органах власти в той или иной степени было понижено.

В то же время в составе специалистов и руководителей производства, как и рабочих тяжелых отраслей промышленности, относительная численность русских в большинстве республик или не изменилась, или повысилась. В Эстонии в 1989 году на 10 тыс. занятого населения (в городах) приходилось среди эстонцев 94 работника управления, среди русских, живущих в Эстонии, — 43, научных работников, соответственно, 172 и 41, работников литературы и искусства — 193 и 42, учителей — 353 и 231, рабочих же тяжелой промышленности 1586 и 3606 (данные рассчитаны Л. Остапенко). В неравенстве по доступу к власти и к ресурсам специалисты справедливо видят одну из важнейших причин этнических конфликтов⁷. В Эстонии, как и в ряде других регионов бывшего СССР, контакт различающихся по социальному составу, но близких по образованию и социально-культурному потенциалу этнических групп, выравнивая возможности состязательности, приводил к конкуренции, создавая одну из причин межэтнической напряженности⁸.

Трансформационные процессы, национальные движения и затем образование независимых государств коренным образом изменили позиционные статусы народов. Эстонцы из бывшего союзного меньшинства превратились в новое большинство, а русские — из доминирующей советской национальности в новое меньшинство, или «иммигрантов», «апатридов», лиц, претендующих на гражданство.

Самосознание русских претерпело существенные изменения. По данным исследований этносоциологов Института этнологии и антропологии РАН, проводившихся вместе с эстонскими учеными в течение более 20

⁷ См. Montvili E., ed. Op. cit.; Тишков В. А. Этнический конфликт в контексте обществоведческих теорий. «Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения». Ч. 1. М., 1992.

⁸ См. Арутюнян Ю. В., Бромлей Ю. В. (отв. ред.) Социально-культурный облик советских наций. М., 1986.

лет, еще в 1988 году более 50% русских Таллинна под понятием «родина» подразумевали СССР, 25 — Эстонию и 7% — Россию. В 1991 году своей «родиной» считали СССР 20% русских, Эстонию — 35, Россию — 22 процента⁹.

В послевоенные десятилетия степень культурной адаптации русских в советской Эстонии была невысокой. Доля знающих эстонский язык составляла 10%, в культурных ориентациях — литературных интересах, музыкальных вкусах, информационных запросах, многих нормах повседневного поведения — русские в большинстве своем были и остаются ориентированы на русскую культуру. Но одновременно социальная и трудовая адаптация у них в Эстонии, как и в других бывших советских республиках, довольно высокая. Как показал анализ результатов опросов русских в 1991 году в Таллинне, у них сравнительно высокая удовлетворенность работой. 50% работающих удовлетворены своей трудовой деятельностью, а совсем не удовлетворены — 16%. Эта удовлетворенность выше, чем у русских во многих других районах, в том числе и в России. Причем на отсутствие перспективы в карьере указали немногие — всего 1/10 часть работающих; таких больше всего среди высококвалифицированных специалистов (1/5), для которых занятие руководящих должностей блокируется принципом предпочтительности «национальных кадров».

Как показали исследования этносоциологов Института этнологии, именно удовлетворенность трудом и возможности для социального продвижения наиболее тесно коррелируют в полиэтнической среде с межгрупповыми установками¹⁰. И поэтому не является неожиданным тот факт, что в целом позитивные установки русских на межэтнические контакты в деловой среде в Эстонии мало изменились в сравнении с 1988 годом. Однако высокая доля (около 80%) заявивших, что этнический состав трудового коллектива не имеет для них значения, была неожиданной. Она не так уж сильно отличалась от зафиксированной в начале 80-х годов, т. е. до начала перестройки. И это при том, что до 40% работающих русских чувствовали социальную конкуренцию (отвечали, что на такую работу, как у них, устроиться трудно), более 1/5 русских ожидали безработицу, а установки на совместную работу у эстонцев были отнюдь не такие благоприятные (64% эстонцев высказались против работы в полиэтнических коллективах и всего 12% считали, что национальность не имеет значения при вступлении в брак)¹¹. Конечно, в конце 1991—1993 годах межэтнические установки русских ухудшились в связи с принятием дискриминационных законов (о гражданстве, об иностранцах и др.).

По данным упомянутого выше этносоциологического исследования, русские отмечают негативные изменения, происшедшие в межэтнических отношениях в течение последних лет. Так, в Таллинне такое ухудшение на уровне политики властей отметили 64%, в повседневной, обыденной жизни — 63,2 процента. Однако в целом эти изменения этнических установок среди русских скорее выражают реакцию озабоченности жестким националистическим курсом эстонских лидеров после обретения независимости. Более фундаментальные факторы социального характера определяют достаточно хороший потенциал для интеграции русских в эстонское общество.

До 1990 года в Эстонии отмечался устойчивый миграционный прирост русского населения. Но провозглашение независимости Прибалтийских

⁹ См. А р у т ю н я н Ю. В. Указ. соч., с. 321.

¹⁰ Д р о б и ж е в а Л. М. Русские в новых государствах. «Россия сегодня: трудные поиски свободы». М., 1993, с. 103—105.

¹¹ Там же, с. 211.

государств, а затем и принятые законы и правила об ограничении въезда, прописки существенно повлияли на уменьшение миграции в эти страны. А принятие законов о языке и гражданстве, ущемившее интересы русского населения в этих странах, вызвало тенденции оттока русских из Прибалтики. Значительную долю в увеличении потоков выбытия составил вывод бывших советских войск с территории стран Балтии. Так, например, в городах Эстонии еще в 1989 году отмечался миграционный прирост (правда, весьма небольшой) русского населения, но уже в 1990—1991 годах выехало 1,7—3,5 тыс. русских, а за 8 месяцев 1992 года отток из Эстонии достиг уже 20 тыс. человек, большинство из которых составили русские.

Крайне важно отметить, что готовность уехать из Эстонии у русских чиже, чем у русских в других бывших республиках СССР. Наиболее контрастным является пример Таджикистана, откуда выехало, по некоторым оценкам, более 100 тыс. русских из 388 тысяч, фиксированных переписью 1989 года. По данным ВЦИОМ, о твердой готовности выехать заявили свыше 30% русских в Узбекистане, более половины русских в Таджикистане; высока ориентация на отъезд в Молдове¹². Таким образом, более или менее массовый выезд русских из Эстонии и других государств Балтии — это крайне маловероятная перспектива, и на ней не должны строиться ни внутренняя политическая стратегия, ни взаимоотношения этих государств с Россией, ни оценки и политические действия в самой России.

Меняющийся статус и перспективы интеграции

Если не выезд, то какая иная реакция на новое положение и каковы перспективы для русских в новых странах? Ответ на этот вопрос зависит не только от степени и возможности культурной адаптации (она, как уже отмечалось, невысока), но и от социально-политической интеграции. Судя по социально-психологическому самочувствию, интегративные возможности этой группы достаточно высоки. Отличаясь от эстонцев в этнокультурном плане, русские в значительной части не видели для себя больших различий в образе жизни на территории Эстонии¹³. Важно и другое: у русских в Эстонии, как показали опросы, не было опасения за свою жизнь, как в Азербайджане или Таджикистане, а большинство испытывали доверие к существующим государственным институтам. Было выявлено и осознание того, что все население республики, т.е. эстонцы и русские, переживает сейчас одинаковые трудности. Так считали в Эстонии 76% русских.

Отсутствие ярко выраженного отчуждения к государственным структурам и готовность к интеграции в новую общественно-политическую среду независимой Эстонии в значительной мере были обусловлены здесь сравнительно более благоприятными условиями жизни представителей этой группы по сравнению с другими регионами бывшего СССР. В Таллинне 91% русских и в целом по Эстонии 80% городских русских жили в отдельных квартирах. Этот уровень бытовой комфортности составлял одну из важнейших жизненных ценностей для русских в Эстонии.

Вышеприведенные данные российских экспертов относятся к 1991 году. Данные эстонских исследователей уже за 1992 год подтверждают выявленную тенденцию: 2/3 опрошенных эстонским демографом К. Катусом русских в Силламяэ считали, что жизнь их в последние

¹² Л е в а д а Ю. Общественное мнение об условиях и факторах миграции русского населения, Бывший СССР. Внутренняя миграция и эмиграция». Вып. 1. М., 1992, с. 25—29.

¹³ См. там же, с. 33.

годы складывалась вполне удачно (2/3 имели цветной телевизор и современную звукотехнику, 1/2 — дачи, 1/3 — автомобили). 54% выразили твердое желание получить эстонское гражданство и лишь 15% — гражданство других государств¹⁴. На основе этих данных можно сделать вывод, что в ближайшие 10—20 лет существенного сокращения русского населения в местах их компактного расселения в Эстонии не будет, а намерения некоторых эстонских политиков снизить долю русских в этом государстве до 25% являются нереалистичными и провоцирующими межэтническую и политическую напряженность.

Однако в положении русских в Эстонии в последние годы действительно произошли и радикальные изменения. Они прежде всего касаются политико-правового статуса, особенно после принятия новой Конституции, Закона о гражданстве и выборов в парламент осенью 1992 года.

Как известно, проблема гражданства решалась, исходя из концептуального подхода об отношении к русскому и даже шире — к славянскому — населению нового государства. Народный фронт Эстонии и затем сложившиеся на его основе партии, прежде всего Социал-демократическая и Демократическая Трудовая партии (бывшая Компартия — самостоятельная), ориентировались на интеграцию русскоязычного населения в эстонское общество. Радикальное же крыло национального движения придерживалось этноизоляционистской позиции, считая всех приехавших в 1940—1980-е годы иммигрантами и требуя введения годовых квот натурализации на жестких условиях.

Проблема гражданства оказалась центральной в общественно-политическом диалоге. Обеспокоенность перспективой массового нарушения прав человека в рождающихся посттоталитарных демократиях проявила международная общественность. Известно, что социальная комиссия, работавшая в Верховном Совете Эстонии, пыталась сблизить позиции, но единственное, на чем сошлись тогда разные силы, — это неприятие так называемого «нулевого варианта», т. е. автоматического признания гражданами всех проживающих в Эстонии к моменту объявления независимости, кроме воинского контингента бывшей Советской Армии. Именно такой вариант был принят во всех других постсоветских государствах (кроме Латвии). Центристские силы стремились к дифференцированному подходу, к принципу права факта, который означает признание права на гражданство не только по происхождению, от родителей — граждан до 1940 года, — но и для постоянно проживающих в Эстонии. Однако крайне националистический подход в данном важнейшем вопросе одержал верх над другими вариантами. Комиссию Верховного Совета распустили, и в основу закона о гражданстве предложили положить закон, который действовал в Эстонии к моменту ее аннексии.

Закон о гражданстве считается действующим с 30 марта 1990 года, чтобы желающие получить гражданство имели основание (2 года постоянного проживания в Эстонии) для подачи заявления. Затем один год отводится на так называемую «натурализацию». Она означает прежде всего экзамен на знание эстонского языка в объеме повседневного общения.

Введенный год натурализации означал, что все желающие получить гражданство, но не успевающие его получить, были отстранены от выборов в верховные органы власти в 1992 году. В результате русские и другие национальности не обеспечили своих представителей в верховном органе власти, избранном 20 сентября 1992 года. Парламент многоэтнической Эстонии оказался моноэтническим; практически треть населения

¹⁴ «Молодежь Эстонии», 7 апреля 1992.

республики в нем не представлена. Такая узурпация политической власти и контроль центральных институтов государства представителями одной этнической группы в ущерб другим крайне опасны. Почти во всех известных в мире случаях подобная практика приводила к жестким конфликтам и межобщинным войнам.

В настоящее время одна часть жителей Эстонии русской национальности — потомственные граждане Эстонской республики 1938 года (около 100 тыс.) — получают гражданство Эстонии. Некоторая часть русскоязычных рассчитывает принять гражданство Российской Федерации и других новых государств. Но большинство неэстонцев находятся в неопределенном гражданско-правовом положении. И это, по оценке либерально ориентированных эстонцев, сужает пространство для демократии, сохраняет этнополитический конфликт между общинами.

Официальная эстонская пропаганда отстаивает мнение, что на социально-экономическое положение и фундаментальные права человека Закон о гражданстве не оказал негативного воздействия. В качестве аргумента называется ст. 4 конституции, в которой сказано: «Права, свободы и обязанности всех и каждого, перечисленные в Основном законе, распространяются в равной степени как на граждан Эстонии, так и на прибывающих в Эстонию граждан иностранных государств и лиц без гражданства». Однако эта важная декларация имеет ряд скрытых ограничений: прежде всего, она распространяется только на тех, кто «прибывает» в Эстонию, а не живет или даже родился в ней. Скажем, граждане других государств, например Соединенных Штатов Америки, могут располагать равными правами с эстонскими гражданами и даже баллотироваться в президенты, занимать должности членов правительства, если имеют полное или частичное эстонское этническое происхождение. В то же время сотни тысяч жителей Эстонии, не имеющих соответствующего «состава крови» хотя и родившихся или проживших десятилетия в этой стране, такого права, согласно данной статье, не получают. Едва ли можно найти еще пример в политической практике, чтобы одна треть населения страны и добрая половина жителей ее столицы не имели возможности выбирать высший орган представительной власти.

Сравним итоги выборов 1990 и 1992 годов в Эстонии. Первые всеобщие демократические выборы в Верховный Совет Эстонии даже при предпочтительной системе избирательных округов в пользу эстонцев обеспечили избрание 21 русского депутата из 104, т. е. 20% мест при 30% населения¹⁵. Первые всеобщие выборы в эстонский сейм (после принятия Закона о гражданстве) в сентябре 1992 года обеспечили все 100% мест этническим эстонцам. Вполне естественно, что русские рассматривают отсутствие их представителей в высшем представительном органе власти как ущемление своих прав.

Неграждане, а ими являются пока большинство русских, не имеют права на создание политических партий (ст. 48 гласит: «В партии могут состоять только граждане Эстонии»). По ст. 29 конституции право свободного выбора рода занятий, профессии, места работы предоставлено гражданам Эстонии, но сказано при этом: «если законом не установлено иное, то этим правом наравне с гражданами Эстонии пользуются также прибывшие в Эстонию граждане иностранных государств и лица без гражданства».

Вместе с тем законом введено правило, что занятие ряда должностей требует знания государственного языка. Для русских — особенно в регионах компактного проживания — это серьезное препятствие. В течение

¹⁵ Т и ш к о в В. А. Этничность и власть в республиках СССР. «Советская этнография», № 1, 1991.

десятилетий русский язык имел и сохраняет доминирующее положение на северо-востоке страны, частично — в крупных городских центрах. Никогда в прошлом ни на союзном, ни на республиканском уровнях серьезных усилий в пользу распространения двуязычия среди русских не предпринималось. В Эстонии сейчас 124 русские школы. Преподавателей эстонского языка с хорошими педагогическими знаниями явно не хватает.

В настоящий момент эстонским руководством предполагается создать 5—8 русских гимназий. Заниматься они будут только по эстонским программам. В школах с русским языком обучения должны быть уроки для изучения не только эстонского языка, но и культуры, истории, географии и экономики Эстонии. Последнее представляется более чем правомерным, но нужны срочные программы по изданию на русском языке учебных пособий и по подготовке учительских кадров.

Русским предстоит непростой и длительный процесс культурной и политической адаптации. По эстонской конституции (ст. 49, 50) они имеют право сохранять свою национальную принадлежность, могут в интересах сохранения национальной культуры создавать самоуправленческие учреждения в порядке и на условиях Закона о культурной автономии национальных меньшинств.

Относительно предпринимательства в конституции (ст. 31) сказано: «Гражданин Эстонии имеет право заниматься предпринимательством и вступать в коммерческие объединения и союзы» и далее: «Если законом не установлено иное, то этим правом наравне с гражданами Эстонии пользуются также прибывающие в Эстонию граждане иностранных государств и лица без гражданства». Статья 32 объявляет, что собственность каждого неприкосновенна, «равно защищена...». «...Законом могут быть установлены виды имущества, которые в Эстонии могут приобретать в собственность только граждане Эстонии...». Эта норма не является открыто дискриминационной, и ею пользуются многие государства. Однако в отношении столь многочисленного и длительно проживающего в стране населения какие-либо ограничения в вопросе о праве на собственность и имущество подобные меры еще нигде не применялись, и трудно себе представить, что они могут быть реализованы бесконфликтно.

Реальная ситуация такова, что русские в экономической сфере проявляют достаточно высокую конкурентоспособность фактически во всех новых государствах Прибалтики. Например, свыше 60% новых предпринимателей в Латвии — русские и евреи. По Эстонии опубликованных данных нет, но процессы в этой сфере идут в Прибалтике достаточно похоже.

Сложнее для русских происходит процесс интеграции в сферу политической жизни. И дело не только в том, что они не представлены в высших органах власти и слабо представлены в местных органах управления. Согласно конституции (ст. 2), делопроизводство в органах местного самоуправления может вестись на языке большинства населения, т. е. необязательно на эстонском языке. Однако право на занятие должностей в органах государственного и местного управления по конституции предоставлено только гражданам Эстонии, к которым в настоящий момент не относится большинство населения целого ряда местных сообществ.

Реакция русских и процессы политической мобилизации

В период коммунистического правления русское население в Эстонии обладало достаточно комфортным статусом. Его социальные и культурные запросы в целом удовлетворялись по тем стандартам, которые существовали в государстве. Верхушечные номенклатурные расчеты обес-

печивали для русских более или менее справедливое политическое представительство. Эти обстоятельства определяли низкую потребность в какой-либо особой политической самоорганизации по этническому признаку, и в республике среди русского населения фактически отсутствовали как политические, так и культурные движения и центры.

Бурный рост эстонского национального движения в первые годы перестройки воспринимался местными русскими по-разному; в целом их отношение было позитивно инертным, за исключением небольшой части, напрямую связанной с центральной партийно-бюрократической номенклатурой и с интересами военно-промышленных ведомств. Переломным моментом можно назвать период обсуждения и затем принятия Закона о языке в январе 1989 года, что явилось одним из самых сильных стимуляторов раскола общества в Эстонии по этническому признаку и активизировало политическую мобилизацию русскоязычной части населения Эстонии.

До этих событий русские не проявляли оппозиционных настроений. Как известно, на первом этапе национальное движение выдвигало лозунги, стимулирующие перестройку, а перестройка была провозглашена Центром, и партийные органы на местах поддерживали возникшие общественные движения, прежде всего Народный фронт. Часть, пусть и незначительная, демократически настроенной русской интеллигенции даже вошла в Народный фронт, а сами идеологи Народного фронта стремились предотвратить раскол общества по этническому признаку.

Когда же стало очевидно, что под давлением национал-радикалов демократическое движение приобретает этноприоритетное направление, когда русские слышали прямое обвинение в свой адрес, это задело национальные чувства русских, вызвало у них определенные фрустрации, а Закон о языке — опасения не только за свою социальную карьеру, но и за судьбу детей. Именно эти настроения позволили создать Интердвижение. Но фигуры, стоявшие во главе этого движения, не пользовались популярностью и доверием у русских.

Более серьезной оппозиционной организацией стал Объединенный Совет Трудовых Коллективов (ОСТК), возникший как экономическая организация работников предприятий союзного подчинения, которые были связаны с Центром, с поступающими от него заказами и источниками сырья. Эти общественные силы практически не зависели от местных властей, но Закон о языке серьезно задевал интересы руководителей и работников этих предприятий. К тому же угроза разрыва связей с Союзом ставила их в исключительно невыгодное положение.

Лидеры национального движения не нашли путей общественного диалога с этой организацией, следствием чего явилось объединение ОСТК с Интердвижением весной 1989 года. Это, в свою очередь, закрепило в глазах эстонцев политический имидж русской диаспоры как противника Эстонии. Этнополитический раскол стал явным, когда в августе 1989 года была проведена политическая забастовка работников союзных предприятий, железной дороги, автотранспорта, в которой участвовало около 30 тыс. человек.

ОСТК выдвинул идею разделения властей с образованием «второй палаты», которая формировалась бы из депутатов, избираемых на предприятиях. Затем был создан Межнациональный совет народных депутатов и делегатов трудящихся Эстонской ССР. В сентябре 1990 года совет декларировал, что до заключения нового Союзного договора он не будет исполнять принятых Эстонской республикой законодательных актов, не соответствующих Конституции СССР. Совет стал выразителем интересов тех, кто связывал свою судьбу с Эстонией в составе так называемого «обновленного Союза». ОСТК, по опросам эстонских социоло-

гов, поддерживало около 30% неэстонского населения. Но восстановление эстонской самостоятельной государственности не поддерживала значительно большая часть неэстонского населения: 75—80% из них проголосовали против или не участвовали в референдуме по данному вопросу.

Августовские события 1991 года были последним шагом, политически разъединившим две основные общины, поскольку русские депутаты республиканского Верховного Совета не поддержали объявление Эстонской республикой независимости, а ОСТК поддержал ГКЧП. Политические объединения русских после этого были ликвидированы. Но политические ориентации не изменились, и на выборах в Советы в Нарве, Кохтла-Ярве и Силламяэ уже после путча прежние руководители были избраны снова.

Была предпринята попытка создания общественного движения русских с демократической ориентацией — Русского демократического движения (РДД). Его в известной мере поддерживал тогдашний премьер правительства Э. Сависаар. Однако это движение не стало массовым. Тем не менее РДД было на седьмом месте по популярности среди 19 партий Эстонии, и его поддерживало 20% русского населения¹⁶. Более авторитетных объединений у русских нет, а политические партии для неграждан сейчас не могут быть созданы по Конституции Эстонии.

Только в феврале 1993 года возникло новое объединение — Представительная ассамблея русскоязычного населения Эстонии, председателем которой стал таллиннский предприниматель Н. Юганцев. Эта организация поставила перед собой цель в рамках конституции «войти» в процесс законотворчества и через диалог с эстонскими политическими силами и руководством Эстонской Республики искать пути устранения массовых нарушений прав русскоязычных. Лидеры ассамблеи начали активно развивать отношения с Россией, в том числе после встречи Юганцева с мэром Москвы Ю. Лужковым было разработано соглашение об экономическом сотрудничестве. Ассамблея становится третьей неформальной стороной в российско-эстонских переговорах, чего настойчиво добивались представители русской общины Эстонии.

Наиболее важным моментом является четко выраженная готовность эстонского руководства к сотрудничеству с ассамблеей. Премьер-министр М. Лаара и президент Л. Мери договорились о создании Консультативного совета по делам некоренного населения при президенте республики. В этот совет предполагается включить 8 назначаемых президентом представителей фракций эстонского парламента и 7 человек от Представительной ассамблеи.

Однако ситуация в целом остается крайне сложной и усугубляется наличием ряда трудно разрешимых проблем в сфере межгосударственных российско-эстонских отношений.

Позиция России и международные аспекты проблемы

До распада СССР в конце 1991 года демократические силы Эстонии и России выступали как союзники в борьбе с Центром и политическим господством коммунистических сил. Радикально-демократические политики в России активно сотрудничали с прибалтийскими национал-радикалами и после своего прихода к власти. Многие ответственные лица в российском руководстве по инерции прошлой политической географии продолжали считать русскоязычную общину в Эстонии и других Балтийских государствах опорой прокоммунистических сил, препятствующих демократическому курсу. В пользу этой позиции действовали

¹⁶ «Молодежь Эстонии», 7 апреля 1992.

сохраняющаяся блокировка российских национал-патриотов со сторонниками реставрации из числа активистов Интердвижения, громкая риторика «о развале Союза демократами» и реальная опасность реставрации. Но самое главное — стойкая приверженность доктрине этнонационализма всей постсоветской демократии оттеснила на второй план вопросы обеспечения прав человека и меньшинств, отдав приоритет национальному (в советском прочтении: этническому) самоопределению. Только в 1992 году вопрос о статусе русскоязычного населения в Эстонии и Латвии выступил в качестве одного из приоритетов российского МИДа, когда министр А. Козырев в сентябре 1992 года сделал заявление на европейских международных форумах о нарушении прав человека, а в переговорный процесс об урегулировании отношений России и Эстонии наряду с военно-экономическими были включены гуманитарные проблемы. 30 октября 1992 года президент Б. Ельцин отдал распоряжение о приостановке вывода войск из государств Балтии до достижения договоренности о порядке вывода и социальной защите военнослужащих и членов их семей, временно остающихся на этих территориях. Последняя акция была скорее обозначением политики.

Статус русских в Эстонии и Латвии после образования независимых государств находился в поле зрения международных организаций и некоторых правозащитных групп и экспертов. В 1991 году директор Международного института по правам человека в Осло Э. Эйде, координирующий подготовку для ООН Декларации о правах меньшинств, подготовил доклад по данной проблеме, в котором отмечались как серьезные нарушения прав русских в Эстонии, так и необходимость ряда корректировок политики эстонского руководства. В октябре 1992 года Совет Европы принял решение отложить прием в свои члены Латвии и Эстонии по причине нарушения ими прав человека и прав меньшинств. Однако после достаточно энергичной пропагандистской деятельности представителей этих государств в международных структурах и ряда новых экспертных заключений в середине мая 1993 года было принято новое решение о вхождении этих стран в Совет Европы. Российское руководство на сей раз не выступило с категорическим возражением, и эта позиция резонна, ведь именно через включение новых постсоветских государств в международные структуры и в систему международно-правовых договоренностей и норм проблемы положения меньшинств и прав человека могут решаться более эффективно и мирными, дипломатическими средствами.

Однако для нормализации ситуации и предотвращения возможного этнического конфликта необходима новая политическая стратегия, в основе которой: подход к русскоязычной общине в Эстонии как к равноправному и равноценному компоненту образовавшихся новых софжданств, права и обязанности которых, а также их лояльность связаны с эстонским государством как многоэтничным образованием; взгляд на русских в Эстонии как на важный связующий элемент двух соседних государств, обеспечивающий их мирные политические отношения и сотрудничество; приоритетное осуществление общественно-политической интеграции русских, а также корректировка принятых законодательных актов; меры по становлению межэтнических коалиций и политических партий, по расширению политического представительства нетитульного населения, по государственной поддержке программ в сфере экстерриториальной национально-культурной автономии; официальное эстонско-русское двуязычие как наилучшая формула для обеспечения прав и запросов населения, в том числе и самих эстонцев.